
В МИРЕ ПОЭЗИИ: НА РАЗНЫЕ ГОЛОСА

Владимир Бояринов
(г. Москва)

PERSONALIA

Стихи Владимира Бояринова, как все по-настоящему значительные произведения, обладают некой магией — заражают своим состоянием, моментально перестраивают твоё настроение: поднимают дух, если ты расклеился от неприятностей и вообще потерял надежду на лучшее, или вселяют грусть, если ты чересчур развеселился от нахлынувшей удачи и забыл, как много в мире несчастных. Все это не просто щедрость таланта, а результат глубокой причастности автора к другим людям, его ответственности за их судьбы.

Владимир Бояринов — стилист виртуоз, поэт с безупречным вкусом, чутьём на слово и редким чувством меры. Его стихи — горение и страсть, тоска и боль, радость и любовь; разные по темам, все они написаны с высочайшим мастерством, предельно просто и ясно, без желания удивить, пооригинальничать, потому и выглядят, как отливки из драгоценного металла.

Бояринов известный поэт, но, мне кажется, он все же не оценен по достоинству, а между тем когда-нибудь им будет гордиться наше Отечество.

В. Г. Бояринов. Дружеский шарж.
Академик Российской академии
художеств Владимир Георгиевич
Мочалов

Леонид Сергеев,
прозаик

РОВЕСНИКИ

Не помню блистательной даты,
Забытых псалмов не пою,
И мысли мои, как солдаты,
В неммыслимом гибнут бою.

Без слез поминальных, без водки,
Без клятвы отмщенья врагу
Встречают меня одногодки
В небесном и тесном кругу.

Ровесники собственной смерти,
Похожие так на отцов,
Что даже прожженные черти
Нас путают, как близнецов.

Сюда голубиную книжку
Вселенский сквозняк не занес.
Здесь франт не стреляет в мальчишку,
Любимого миром до слез.

Здесь гений себя забывает:
В объятьях глухой немоты
Молчит и таит, и скрывает
Желанья свои и мечты.

Охотник за вещими снами
Скитания проклял во мгле.
О доблестях, подвигах, славе
Забыл он еще на земле.

Стихи заревые от века
Умов не будили окрест.
Здесь черного нет человека,
Немыслим изломанный жест.

Бродяга, худой, как острожник,
Холмами отчизны бредет,
Срывая в пути подорожник,
На смертные раны кладет.

Поэт остается скитальцем,
Простор осветляя челом,
Он тычет прокуренным пальцем:
«Край света — за первым углом!»

Но пусто во времени голом!
Но слову заказано течь!
И хочется смертным глаголом
Небесные своды прожечь!

Пусть хлынет из райского сада
На землю пронзительный свет.
Возрадуйтесь, мать и чадо!
Возрадуйтесь, внучек и дед!

ПРИДОРОЖНЫЙ КОСТЕР

Встретились плачи,—
И стихла гроза
На покосах.

Разве иначе
Находит слеза
Отголосок?

Чтобы ни сирой
Тоски не будить,
Ни острожной,
Стали под Лирой
Костер разводить
Придорожный.

Чистые струи
Пробили пласты
Вековые, —
Это о струны
Задели персты
Огневые!

МЛАДЕНЕЦ РУССКОЙ СЛАВЫ

На поле Куликовом,
За тридцать земель,
На поясе шелковом
Висела колыбель.

Висела золотая,
В колечки завитая,
Меж небом и землей,
Меж снегом и золой.

В четыре полотенца
Рыдала ночью мать:
— Храните сон младенца!
Трещоток не замать!

— О чем она судачит? —
Задумалась родня...
— Когда мой сын заплачет,
Попомните меня!

Горчат дымы Полтавы,
Берлинский чад горчит.
Младенец русской славы
До времени молчит.

А вьюга все крепчает,
Плетет свою кудель.
Господь всю ночь качает
Златую колыбель...

ПОД ЗАРНИЦЕЙ

Всех влюбленных и веселых
Преломить прошу ковригу,
Всех сердитых и бесполох
 Попрошу захлопнуть книгу!

Прожжены ее страницы,
Перепачканы в кизиле,
Здесь летают не синицы —
Журавли простор пронзили.

Я печали этой жизни
Схоронил под глыбой тяжкой.
Я под клятвою отчизне
Расписался жгучей шашкой!

Расписался жгучей кровью
И поклялся клятвой жуткой;
И теперь живу любовью
И нечаянно шуткой.

Для любимых я веселый,
Для нелюбых — окаянный;
Я в обнимку с правдой голой
До зари брожу, как пьяный.

Я зарыл свои вериги
С тайным трепетом и жалью
Под степной зарницей книги,
Под отеческой скрижалью.

СОЛДАТСКИЙ СОН

В сонное облако тихо ступаю,
Шапкой туманы мету.
Клятва нарушена. Я засыпаю
На полуночном посту.

Вижу — цыганка на картах гадает,
Вижу — на Страшном суде
Мать безутешная горько рыдает,
Волосы рвет на себе.

Жадно душа моя жизни взалкала? —
Ставьте других на вину —
Кровь размозженного в схватке шакала
Пью в басурманском плену.

Снова ведут меня шумным кагалом
На человечесий базар.

Полосонули по горлу кинжалом,
Возликовали: «Акбар!»

Господи правый, яви свое чудо,
Раны омой и утри,
И на бессрочную службу отсюда
Душу мою забери!

ПЕСНЯ О НАБЕГАХ СЕГО ВРЕМЕНИ

Хотел я поведать, как вещей Олег
Отмстил неразумным хазарам,
Но ты совершила нежданный набег
И выжгла желанье пожаром.

Зачем причинила нелепый урон
Таланту, едят его мошки?!
Зачем беспардонно уселась на трон
И свесила белые ножки?

Казнила на площади ямб и хорей,
До этого выколов очи.
Налейте же, братцы, налейте скорей!
Рассказывать нет больше мочи.

Пропали Бояны родимой земли,
А Несторы глухи и немые.
Не скажет ни камень, ни крест, где легли
Геройские русские темы.

Но если ничтожен мой песенный дар —
Сбирайся! — в ближайшую среду
Мы вместе с тобою пойдем на хазар,
Мы вместе одержим победу!

Одержим победу. Монарший венец
Ты примешь со скипетром царским:
Кому-то же надо владеть, наконец,
Великим народом хазарским?!

А я возвращусь по сугробам на Русь,
Земле поклонюсь принародно.
Ты справишься с царством хазарским, не трусь.
А Русь да пребудет свободна!

МЕДОВЫЙ ДЕД

Бедовый дед, крещеный пулей,
Ты все учел:
За ульем ставишь новый улей,
И славишь пчел!

Они — защита и расплата,
И свыше весть.
О том, что сбудется когда-то
И там, и здесь.

Пусть над твоим кержацким скитом
Кружится рой,
А ты не стал наследным скифом —
Не твой герой.

Остался ты медовым дедом,
Как и хотел;
А там — пожизненным полпредом
Пчелиных дел.

Твои слова мудры и дивны,
И голос густ!
Какие арии и гимны
Слетают с уст!

Синеет небо из-за тучек,
Гудит земля!
У ног твоих резвится внучек,
Крупней шмеля.

Что припозднился на пенечке,
Бедовый дед?
Ты спой про красные денечки
Грешной куплет...

А солнце припадает ниже
К земной меже.
А вот уже и месяц ближе,
И ночь уже.

Медовый дед, вослед за чудом
Твой путь лежит;
И звездный рой протяжным гудом
Всю ночь жужжит!

БОЖЬЯ КОРОВКА

Страсть какая и сноровка! —
Вся в малиновом соку,
Божья — в крапинку — коровка
Вверх ползет по стебельку.

Не свернет и не вернется,
Как бы ни был путь далек,
Все сильнее под нею гнется
И пружинит стебелек.

Не клянет она дорогу,
На препоны не глядит,
И все ближе, ближе к Богу,
И уже летит, летит...

Над рекой летит, над бездной,
Обрести мечтая кров...
Больше так, пастух любезный,
Не бросай своих коров!

ВЕРА

От рождения до смерти
В этом мире поперечном
Лишь в себя и в Бога верьте,
Наша вера — в бесконечном.

Чтоб нужда не подкосила,
Чтобы мы в тоске не кисли,—
Нам дается эта сила
И порыв высокой мысли!

Нам дается эта вера,
Это чудо — не иначе —
Как единственная мера
Против всякой неудачи!

От разбитого корыта
Сберегает эта тайна,
Что не может быть открыта
Ни научно, ни случайно.

Наша вера — ключ от клада,
Если клад угоден Богу;
И сомнения не надо
Подпускать к ее порогу.

Наша вера смертный лепет
Бесконечностью измерит,
Превратит в духовный трепет
Мысль того, кто свято верит.

Вера — вестник наш небесный,
Наш посланник к высшей силе
Возвратится к нам с чудесной
Вестью той, что мы просили!

УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ

Дремучий сон глубок
Полночью слепой.
Не катится клубок
Неведомой тропой.

Схоронится под ель,
Задремлет на меже —
За тридевять земель
Не катится уже.

Боишься заманить
На скользкие пути?..
Оборванную нить
В чашобе не найти.

Я шарю по траве
Ослепшею рукой:
Не еж ли на тропе?
Колючий-то какой!

А нить свернулась в жгут,
Вся — узел на узле.
И жгут они, и жгут,
Как уголья в золе!

РЫСИЙ КОГОТЬ

Бор сосновый. Ночь — как деготь,
Мошкаринный перепляс.
Тонкий месяц — рысий коготь
В грузном облаке увяз.

Бродит хищник тихой сапой
С пылью звездной на усах,
Перекатывая лапой
Облака на небесах.

Бродит рысь тропой кромешной,—
Ночь проходит без следа.
Кровянеет над скворешней
Одинокая звезда.

Что-то будет, что-то будет!
Вот вонзился коготь в тын...
Сына родина забудет
Иль ее забудет сын?

Станет блудным, станет сучьим
И чужим через годок.
Коготок скользнул по сучьям,
А по коже — холодок.

Даже вслух никто не спросит:
И куда же он исчез?
Рысий коготь травы скосит
Где-нибудь на Пер-Лашез.

Лишь тогда его полюбит
Обезумевшая мать,
И хвалы ему вострубит
Всепрощающая рать.

Что ему до лести лисьей,
Если плоть укроет мрак?
Рвет потемки коготь рысий
И не разорвет никак...

Лучше прошлого не трогать
И не знать — что впереди.
Тонкий месяц — рысий коготь,
Старых ран не береди.

СТРАНИЦА ГОЛУБИНОЙ КНИГИ

Конница мерзлой дорогой процокала
Между берез, запорошенных с ночи.
Главный сокольничий выпустил сокола
Выклевать божьи пресветлые очи.

Выпустил... И до сих пор не дочитаны
Ни голубые, ни черные свитки.
Голуби, птицы мои беззащитные,
Не допустите языческой пытки!

Взвейтесь над полымем,
взвейтесь над бедами
И заслоните воскрыльями небо!
Вы ли не вскормлены, голуби белые,
Сырыми крохами божьего хлеба?

Совы ли прятались, лисы ли бегали,
Волки ли серые взвыли без памяти?
Кровью умылись вы, голуби белые,
Крылья свои распластали на паперти.

Вспомню ли нынче легенду любимую,
Вздрогну ли ночью от ноющей боли, —

В книгу хочу заглянуть Голубиную,
Вызвать хоть слово о жертвенной доле.

Вновь на ладони мои огрубелые
Падает снег, словно перья небесные;
Вы их роняете, голуби белые,
Вы возвращаетесь, сердцу любезные.

СИРЕНЕВЫЙ ДЕНЬ

Во времени не раннем и не позднем,
Когда звенит апрельский небосвод,
Идет отец, идет зеленым полднем,
Сиреневые саженцы несет.

Мы деревца под окнами посадим,
Притопчем землю, бережно польем
И рядом на завалинке присядем,
Задумаемся каждый о своем.

«Что,— прогудит,— славяне,
загрустили? —
В словах привычных плещется задор.—
Там человека в космос запустили!» —
Кричит сосед и лезет на забор.

Его сынишка плачет от обиды:
Ликует вся весенняя земля,
Но даже с крыши не видать орбиты
Гагаринского в небе корабля.

Пусть все, как было, так и остается:
Кричит сосед, звенит апрельский день,
Мальчишка плачет, мой отец смеется,
Под солнцем приживается сирень!

ИСПЫТАНИЯ

Белит комнату мама.
Белизна потолка
И белее тумана,
И белей молока*.

Как под тем небосклоном
Перепелка поет.
Как над тем полигоном
Гриб из пекла встает.

* Строфа из Бадрутдина в переводе В. Бояринова.

Это вам не вполсилы
Целину поднимать,
Это вам не тротилы,—
Это кузькина мать!

На шальные просторы
Вырывается дрожь.
Прямо к сусликам в норы
Осыпается рожь.

Ключья атомной пены
Суховой поволок.
Осыпаются стены,
И трещит потолок.

Белит комнату мама.
Белизна потолка
И белее тумана,
И белей молока.

Не промолвит ни слова
И не станет корить —
Прослезится и снова
Начинает белить.

— *Что* ты делаешь, мама?
— Потолочек белю.
— *Что ты делаешь*, мама?
— Христа ради терплю...

РАЗЛУКА

Какие весны
Скрылись за излучкой
Степной реки!

Вплеснули весла
Над моей разлукой,
Как две руки.

И берег прежний
На глазах растаял,
Размылся вдруг.

И много строжней
Позади оставил
Смоленый струг.

Нельзя же вечно
Верить в наважденье,
И в чох, и в чет!

Но бесконечно
Сквозь твои владенья
Река течет.

И только гуси
Слезно прокричали.
И высоко,

Как будто гусли
Всколыбнул в печали
Хмельной Садко,

Поплыли звуки,
Силу набирая,
В слепом дожде.

У той разлуки
Нет конца и края,
Она — везде!

ПРЕДЧУСТВИЮ ВОСЛЕД

Я возвращусь не прежде,
Чем прозвенит рассвет.
Лечу вослед надежде,
Предчувствию вослед.

Звезда моя земная,
Моя земная суть,
Сама того не зная,
Предначертала путь.

Запел, забился зяблик,
В груди затрепетал:
«Не трогай райских яблок!»
А кто бы спорить стал.

Зачем о прошлом плакать,
Зачем скорбеть, когда
Вонзаешь зубы в мякоть
Запретного плода?

А косточки от яблок,
Подхватывая влет,
Клюет залетный зяблик.
И пусть себе клюет!

Владимир Резцов
(г. Тула)

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ СТРАШИЛКА

Ныне телевизор — хоть и вовсе не включай: на всех каналах сплошь одна пошлятина, разврат и чернуха. Особенно возмущает героизация криминала. И никакого просвета. А так хочется, чтобы побеждало не зло, а добро...

Малютка просил сохранить ему жизнь,
Но грязный убийца воскликнул: «Ни в жизнь!
Скорее я палец себе откушу,
Чем с миром малявку домой отпущу!
В младенчестве папа учил меня: «Бей
Всех тех, кто добрее тебя и слабей!
Не ведай к ним жалости, бог им подаст!
Ведь это не люди,— отбросы, балласт!»
И пела мне мать колыбельную: «*Режь*
Всех ножичком остреньким, душеньку тешь!»
И шамкала бабка: «Ночною порой
Кто грабит прохожего, тот и герой».
Ни слова не вымолвил дед мой, молчун,
Сиделец бывалый и старый драчун.
Практичнее всех оказался мой дед:
На праздник он, молча, вручил мне кастет.

Я вырос, родительский сын, бабкин внук,
А дедов кастет — мой товарищ и друг.
Пришел я дать волю могучим рукам
На радость себе и на страх слабакам.
Я в самом начале своих *славных дел*.
Сомнения прочь, мой девиз — «Беспредел!»
Начальник милиции глушит коньяк:
В пределах его объявился маньяк!
Я — лютая смерть! Я — кровавый удар!
Я — ужас! Я — ваш полуночный кошмар!
Ты влип, паренек. От меня не удрать.
Живым не увидит ребеночка мать.
Завоет она — станет тошно чертям:
Твой труп будут ей приносить по частям!
Что будет с тобою, то будет и впредь,

И многим придется вот так умереть.
Вовеки не кончится этот бедлам:
Я детям искусство свое передам.
Сынов, что родятся, я буду учить
Всех *грабить*, и мучить, и *резать*... и *бить!*..»

Друзья! За мальчика не тревожьтесь, прошу:
С рождения он занимался ушу;
Отважен и ловок он с юных ногтей,—
Теперь у убийцы не будет детей!

Татьяна Ермакова
(г. Калининград)

Татьяна Алексеевна Ермакова — журналист, заслуженный работник культуры России, лауреат Всероссийского и региональных творческих конкурсов, комсомольской премии «Молодость Кузбасса».

После окончания Ленинградского университета работала на радио в городе Кемерово, а затем — в Калининграде. Была редактором, ведущей радиопрограмм с высоким рейтингом общественного признания, директором государственного радио «Янтарь».

Продолжила творческую деятельность в издательстве «Янтарный сказ», где стала автором и участником ряда проектов: «Калининград. Путеводитель», Энциклопедический справочник «Калининград-Кенигсберг», миниатюрные издания И. Канта, Ф. Шиллера, «Мудрость любви», «Сыну России» и др.

Еще одна яркая страница биографии — работа в Калининградской художественной галерее, где кроме участия в организации выставок изобразительного искусства удалось успешно осуществить социально-культурные проекты: «Энергия прекрасного — в подарок» (совместно с Калининградской ТЭЦ-2) и «Доброе имя», цель которых — не только приобщение к искусству, но и утверждение нравственных ценностей, объединение людей, живущих на одной земле. Печаталась в газетах «Калининградская правда», «Аргументы и факты», «Каскад», «ПРОФИ», «Страна и Калининград», в литературно-художественном альманахе «Балтика».

В 2008 году вышла в свет книга стихов и публицистики «Эхо сердца. Избранное», стихи из которой мы и предлагаем вашему вниманию.

* * *

На синем небе — купол золотой,
И белоснежны, словно лебедь, своды,
А ты, душой страдающий, постой
И ощути дыхание свободы.

С рождения завещана тебе
Та, солнцем проторенная, дорога,
Где места нет — разврату, лжи, вражде,
Спасенье — свет, сияющий от Бога.

Но ты — дремучий, дикий человек,
Ты жаждешь власти, золота и славы,

И обрываешь жизнью краткий бег,
Из мести или просто для забавы.

Спасти другого, и отдать свое —
Лишь этот смысл достоин Человека.
Но — не смолкает в небе воронье,
Не высыхают слезы — век от века...

РУЧЕЙ

Разорили гнездо. И под корень — судьбу.
Неизбывен он, род палачей...
Но душе не дано превратиться в рабу:
«Я свободна, как звонкий ручей!»
Да, ручей. Он всегда остается ничей,
Даже если продажна земля.
Но не вырастут спелые гроздья на ней,
Если он пересохнет, пыля.
Ах, ручей! Неподкупный земли казначей,
Чистотой ты, не золотом, звенишь,
Для тебя — глубина родниковых очей
И лесов заповедная тишь.
Без тебя превратилась бы в пепел земля,
А деревья — в огарки свечей,
Все живое поггло б, о влаге моля
Без твоих животворных речей.
И велик ты, ручей, потому что — ничей,
Силу жизни всем щедро даришь.
Но тебе не поить в жаркий день палачей,
Лучше ты — навсегда — замолчишь.
Ты свободен, ручей, от земных мелочей,
От корысти, чинов и наград.
И холодной ночью еще горячей
Отразится в тебе — звездопад.

ГОЛУБЬ

Впечатан голубь в мостовую.
Безжалостно — десятки шин
Исколесили плоть живую...
Куда ж ты мчишь, природы сын?
К какой такой заветной цели,
Презрев земного братства суть?
Чтоб — кто летает — не взлетели?
Но счастлив — будет ли твой путь?

ВОЗМЕЗДИЕ

Жестокость этих тварей — беспредельна:
Себе подобных — травят, режут, жгут,
Презрев и святость песни колыбельной,
И слезы матерей, что вечность — ждут...

Как к солнцу пробивается травинка,
Так сыну мать — все силы отдает,
Чтоб сердца ненаглядная кровинка
Счастливый в жизни обрела полет.

Чтобы мужал в любви и вдохновенье,
Опорой стал и дому, и стране,
Прославился талантом и умением,
Не сгинул на несправедной войне.

Как чудно и божественно сиянье
Любви, надежды, веры и добра,
Что ж род людской терзают злодеянья?
За все платить — настанет вам пора.

Сторицей вам воздастся за страданья
Распятых, оскверненных душ и тел,
Небесным громом вас пронзят рыданья
Тех, кто тиранов на земле терпел!

О человек! Венец всего живого,
Невежда, гений, раб и государь —
Как мог презреть святое божье слово
И превратиться в низменную тварь?

Прекрасны горы, солнце, дождь и реки,
Лес, море, ветер, травы, облака,
И только подлость недочеловеков
Кровавым шрамом запеклась в веках.

* * *

Каждый свое получит,
Презревший совесть и честь,
И чем он наглей и круче,
Чем слаще привык ближних «есть»,
Тем будет горше расплата
В объятиях сатаны,
За слезы и горы злата,
Украденные у страны,
За судьбы людей достойных,
Разбитые палачом,
За то, что, как прежде, войны
И беды пришли в наш дом,
За то, что у бедной старухи

Отнят последний приют,
И люди, как будто мухи,
На родине в муках мрут,
Я знаю, кто-то ответит
За все на Страшном суде!
Россия и в муках — светит,
Но где же спасенье,— где?

* * *

Сколько жизни потрачено зря:
В мелких дрызгах, в больших заблужденьях...
Но себя неустанно коря,
Не найти светлый миг утешенья.

Он — на тяжком, духовном пути,
В каждом верном поступке и слове,
Светит нам, чтобы дальше идти,
К испытаньям иным наготове.

Куполами сияет весна,
Что подарена снова судьбою.
Не испить эту чашу до дна,
Высоту — не измерить собою.

Алексей Скаредов *
(г. Тула)

АКТРИСЕ
(акростих)

Не наблюдая, как растет трава
И зарекаясь пить — я вышел в дамки,
Но жизнь меня и здесь вогнала в рамки.
А что поделать — жизнь всегда права.

Финал борьбы не радует с утра,
Иль это оттого, что наши замки
Лишь плод воображения, лишь шванки **,
И боле ничего? Лишь боль нутра.

Меня излечит тихой правды зов.
Она — актриса, служка Мельпомены,
Шальной игрою скинула оков,

Колодок — узы, разнесла в пыль стены,
И выверяет с Богом ход веков,
Назло судьбе отыскивая темы.
Актриса хороша! И Бог каков...

МЫ РАЗМИНЕМСЯ...

Я возвращаюсь —
нетвердой походкой ленивца.
Я развращаюсь —
несказанной легкостью слова.
Я перепутал —
циркачка ты или львица?
Я перепуган —
зачем здесь звучит босанова ***?
Ты все мечтаешь,
но я не тяну на кронпринца.
Ты все вздыхаешь,
а я говорю: «Все не ново»...

* Наш постоянный автор (Прим. ред.).

** Шванк (нем.) — средневековый веселый, часто неприличный, рассказ

*** Босанова — бразильская этническая разновидность джаза.

Ты — суть дороги,
лихая, шальная девица?
Иль меня ноги
опять понесли мимо крова?
Мы разминемся!
Дорога — удел нечестивца...
В пыль перетремся,
но хлеба не выпечь иного:
только несчастье —
как повод друг другу присниться,
Только причастье —
как шанс появиться здесь снова.

7 НОЯБРЯ 1941

*Моему деду Федору Скарредову,
участнику памятного парада*

Мороз щипал за острия штыки,
но в полушубках было даже жарко —
вдоль Александровской ограды, мимо парка,
на площадь шли сибирские стрелки.

Тянули в небеса носок ноги,
стальной держали строй: держись брусчатка!
Кровава жертва от лихих побед начатка*.
На станции Тучково — вой пурги.

Там линия прошла по полотну:
здесь — наши, а через «железку» — немцы.
Ты юн и ранен — бьется страхом сердце
в твой первый бой — так не похожий на войну...

Но это после, а сейчас — на площадь,
у стен Кремля да с трехлинейкой — бравый вид.
И пусть нога болит и зло гудит:
«Марш!левой, братцы!» — здесь никто не ропщет.

НА МИНАРЕТЕ СУННИТСКОЙ МЕЧЕТИ ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ

*Памяти моего деда
Агубечира Хадарцева*

И с жаром аравийского самума,
и с жаждой зеленеющей Корана —
я совладал. Не поднимая шума,
поднялся я на минарет и рана
на сердце запеклась — на вид как руна.

* Начаток (библ.) — первые плоды, приносимые в жертву Богу.

Что значит этот знак — увы, не знаю.
Иначе проорал бы с минарета,
что я готов в паломничество к раю:
хоть с этой башни и — до края света...
Но я молчу. И вновь спускаюсь в стаю...

* * *

Зеленой лампы мшистый свет,
суровый Дант, безумный Тассо,
стих без сюжетных выкрутасов —
предвестник глада, войн и бед.

Прогорклый вечер за окном
и тополиный пух на тапках,
кошачий вальс на тонких лапках,
попытки выйти за вином.

Да, к черту этот балаган —
все предугадано и сбылось.
Кому нужны, скажи на милость,
чужие сны? И рай — обман...

Я встал и сел. Взведа курки
ты молишь: «Только бы не мимо!»
Со стен больных Ерусалима
считаю адовы круги.

ВАВИЛОН

Извечный признак Вавилона —
грифон да бородатый страж.
Всем предлагая призрак лона,
готового к приятью клона
Мардука — прихоть, но не блажь.

«Я из мужей вам дал пророков,
и назореев из юнцов —
вином поили их, венцов
не чтили их. Своих пороков
не видели — не зная сроков,
падете ниц в конце концов!»

Так Вавилон нам стал наградой.
Стоит, хоть тресни, мы же — тлен:
нет слез, чтобы оплакать плен.
За вавилонскою оградой
укрылся мир, а нам отрадой
сожженный Храм — давидов лен* .

* Лен — владение, данное вассалу сеньором, в обмен на верность.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ

Одинокая изба на краю деревни —
Невысокое крыльцо, скользкие ступени;
Одинокий старичок — лет не знаю, сколько;
Небольшой половичок, печка, стол — и только...
Порыжевший самовар, крепкий чай в стаканах.
Что-то ветер напевал за окном отчаянно...
И иконы на стене — впалые глазницы,
От которых снова мне до утра не спится.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Полумесяц луны. Тишина и мороз.
Густо ветви сплелись в кронах стылых берез.
Небо в россыпях звезд, что мерцают вдали...
Мы лишь отблески их в этой точке Земли.

О ДРОВАХ

Горят по-разному дрова:
Сухие полыхают ярко,
Сырые — нехотя и парко,
Зато кружится голова.
Да только толку нет от них,
Нет душу греющего жара,
А много копоти, угара,
И валит дым из труб печных.
Такие в топку не клади,
От них тепла и света мало,
Они не вспыхнут смело, ало,
От них погаснут все огни.
И не завоет дымоход!
Они — сухие лишь снаружи,

Ну, а внутри — такая стужа,
Такой бездушный гололед,
Что станет страшно, если вдруг
Вот с ними попадешь в охапку
И задымишься едко, сладко,
Как будто испуская дух.

РУССКИЙ ДУХ

В заснеженных садах, лесах, долинах
Живет тревожный, древний русский дух.
Он — в небесах загадочных и синих,
И в кротком взгляде плачущих старух.

Он — в куполах, вознесшихся высоко,
Он — в матерщине пьяных передряг,
В надгробьях русских мальчиков, до срока
Отдавших жизнь за Родину в боях.

Он — на полях, заросших сорняками,
В молитвах побирушек и бродяг.
Он — в стоне сосен с вечными корнями,
И в кронах их, застрявших в облаках.

Он — в наших душах, что не очерствели,
В народной песне, вольной, словно Русь,
Когда бегут мурашками на теле
Ее слова про радость и про грусть.

Он — в наших чувствах, что всегда без края:
Так любим женщин и не чтим врагов!
Живи, наш дух, прощая и карая,
Несись рекой меж вечных берегов...

ВЕТЕР

Долго тянется ночь бесконечная эта,
Ветер в окна стучит, бесшабашный и злой.
Может, грезятся сны промелькнувшего лета,
Может быть, просто ветер не любит покой.
Просто ветер живет. Может, ветру не спится,
Не уляжется он на перине ночной.
А, быть может, луна — хороша, бледнолица,
Вдруг узнала о жизни его холостой.
Но она далеко, в небе темном плутает,
И ее не обнять даже ветру рукой...
По себе, может, ветер поминки справляет,
И поэтому нынче он пьяный такой.

И шатается он меж домами без толку,
Но не треснет стекло этих окон слепых,
Что-то шепчет себе все под нос без умолку
И ругает судьбу, что не поняла их.
Ночь всю будет бродить и к утру лишь устанет,
Обессилен совсем, где-нибудь прикорнет...
Ну, а завтра он снова куражиться станет,
Хриплым голосом грустную песню споеет...
Что-то ветер притих, зацепился за что-то,
Как упал на колени перед бледной луной,
Может, ветер погиб в сумасшедшем полете,
Не сумев совладать с безудержной тоской?
Горько плачет луна, звезды в небе застыли,
Словно слезы из глаз, что пролила она...
Этой ночью на улице ветер убили,
А поэтому мне вот сейчас не до сна.

Лариса Яшина
(г. Пенза)

PERSONALIA

Лариса Ивановна Яшина родилась 28 февраля 1941 года в г. Пензе в семье служащих.

Ее отец — Яшин Иван Ефимович (1905—1943) — погиб в ВОВ, мама — Баталина Нина Петровна, 1914 г. р. умерла в 1974 г.

Корни Ларисы Яшиной — пензенские, хотя в послевоенном детстве ей довелось жить в Подмоскovie, потом рядом с Калугой, немного — в Рязанской области.

Самые светлые воспоминания остались от вольного калужского детства, старенькой милой школы поселка Росвянского крахмало-паточного завода, где училась с первого по четвертый класс; уже тогда сочиняла стихи, и еще в 1-м классе дала обещание окончить школу с золотой медалью. Теперь это новая школа № 43 г. Калуги, и места эти входят в черту города. Затем, семья переехала под Рязань, а потом возвратилась в Пензу.

Л. Яшина окончила в 1958 году с золотой медалью школу № 1 им. В. Г. Беллинского г. Пензы; в 1963 г. — Пензенский политехнический институт, (ныне Государственный университет), затем аспирантуру при кафедре «Материаловедение», и до сентября 1984 г. работала в нем преподавателем материаловедения. Ее всю жизнь увлекала сцена, и она перешла в Пензенскую областную филармонию — мастером художественного слова (1984 по 1999 гг.). Как поэт и чтец, сотрудничала с Объединением литературных музеев и Областной библиотекой им. М. Ю. Лермонтова.

Поэт Лариса Яшина — необыкновенно активно живущий и работающий человек. В ее поэтическом багаже коллективные сборники: «Начало», «Голос поля», «Милая роца», «Красота спасет мир», «Край мой единственный...», «Защити все живое», «Волжские зори» и др. («Приволжское книжное издательство»), альманах «Поэзия», журнал «Крестьянка», «Антология современной поэзии», т. 5, 2010 г. М.

Авторские сборники: «Откровение» (1983 г.), «Время любви» (1987 г.), «Пока не занавесят зеркала» (1992 г.), «Перед простором чистого листа» (1995 г.), «Напоминает осени пора» (1998 г., 2006 г.), «Свет от света» (1999 г., 2002 г.), «Равновесие» (2003 г.), «Посвящения и живущим, и ушедшим» (2005 г.), «Стихи для детей Муррси» (2007 г.), «Разноцветье» (2008 г.), «Молю прощенья у любви» (2008 г.), «Зверские рассказы» — рассказы о животных (2009 г.), «Если б знал Куприн...» (2010 г.).

Лариса Ивановна Яшина — член Союза журналистов РФ с 1980 г., Член Союза писателей России с 1992 г., Академик международной академии информатизации, 2001 г., лауреат премии Пензенского комсомола (1981 г.), дважды лауреат Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова, (2005 г., 2007 г.), Лауреат премии имени Константина Симонова с вручением золотой медали (2011 г.). Награждена орденом «Во имя жизни на Земле» (2009 г.), медалью «Во славу Земли пензенской» (2011 г.).

* * *

Перед простором чистого листа
Наверное, как все, я беззащитна,
Но служит память,
Словно верный щит нам,
И выручают люди и места...

Спасает мудрость нажитых годов
И все, что острой болью пережито.
Так в поле, к сроку,
Поспевает жито,
Так по весне — свобода ото льдов.

И все и всех увижу я теперь,
И пусть еще неуловима строчка,
Одно я знаю наперед и точно:
Она — мое спасенье от потерь!

ЮЛКА

В конце сороковых — начале пятидесятих годов (уже прошлого века!) мы жили недалеко от Калуги, а точнее в пятнадцати километрах, в небольшом заводском поселке возле деревни Росва. Время было послевоенное, кругом разруха, а по этим местам война прошла основательно.

Моего отчима сюда направили восстанавливать полуразрушенный крахмало-паточный завод. Места здесь были любопытные: лес довольно-таки далеко, километрах в семи, и недалеко друг от друга — две деревни Козлово и Яглово (в правильности названия могу и ошибиться). Разделялись они поймой маленькой, но родниковой речушки Росвянки, которая в половодье разливалась очень даже серьезно.

Росвянка совсем недалеко вливалась в реку Угру, а та — под самой Калугой — в Оку. Так вот, когда едешь из Калуги, то издали среди безлесного простора глаз выхватывает оазис — большой старинный липовый парк, когда-то посаженный по приказу господ, прежних хозяев завода. Сейчас, конечно, там совершенно другая современная картина, но память упрямо возвращает меня в прошлое. Как я любила эти заросшие кустарником и крапивой аллеи парка за полуразрушенной каменной оградой. Кроме парка, возле оставшихся плохоньких жилых домишек, о прошлой жизни напоминали, посаженные ровными рядами вокруг пруда, кусты дикой акации и барбариса, большой, но уже наполовину одичавший, фруктовый сад.

В пруду водилось много рыбы, особенно карасей, но, чтобы их ловить, надо было «выловить» сначала груды искореженного металла — наследия недавних боев. Когда пруд чистили, на берег были вытянуты обломки машин, пулеметы и всякое военное оборудование. Любой нынешний музей с радостью пополнил бы свои экспозиции этими бесценными экспонатами.

В траншеях, которые не успели еще полностью зарости травой, мы беспечно играли в прятки, «изучали» строение почвы, брали песок посыпать дорожки. И вот од-

нажды в этом песчаном слое откопали ящики с новенькими блестящими патронами. Такими подарками еще не раз «награждала» земля.

Перепахивая осенью поле, трактор выпахал большой снаряд. Ребятишки, мал мала меньше, стали бросать в него камешками, комьями земли. Снаряд взорвался, из пяти ребят остался в живых один, но без пальцев и глаза, с синими пороховыми «веснушками» на лице. Вот оно — эхо войны!

О войне тревожно напоминали и ночные перекрестные лучи прожекторов, в светящемся перекрестье ведущие серебристый самолет. А еще недалеко от поселка был военный городок, с аэродрома которого с огнем и грохотом поднимались первые реактивные самолеты.

Я увлеклась: так заманчиво и радостно, хотя бы в воспоминаниях, ненадолго вернуться в мир детства, когда все были рядом, молоды, живы...

Отец (не помня погибшего на войне родного отца, я отчима называю отцом, потому что он и стал для нас всех настоящим) был директором этого небольшого заводика и общался с некоторыми директорами калужских заводов. Один из них, директор автомобильного завода, передал нашему заводу трофейный «виллис». Машина была жесткая, военная, особенно больно было ехать на боковых металлических сиденьях, подпрыгивая на бульжниках шоссе, и все-таки это была легковушка, и ехать на ней было здорово, на зависть всем заводским и деревенским ребятам.

Наконец, я подошла к главному — героине моего рассказа Юльке.

Тот же директор, который дал заводу «виллис», подарил отцу восьмимесячного щенка овчарки, которую за то, что она была подвижной, как юла, назвали Юлькой.

Мать Юльки была на фронте «санитаркой», и Юлька уже многое умела: брать барьер, подавать лапу, выполнять различные команды. Она мучила всех нас, заставляя бросать подальше мяч, палку, потом находила их и тащила обратно.

Мы все очень любили Юльку, брали ее с собой всюду, особенно на речку или на пруд. Она любила купаться и лезла в воду в любую погоду, только брось ей туда палку. Поплывет за ней, принесет обратно и начинает около нас отряхиваться. Брызги летят, мы визжим, отбегаем, а она специально жметя к нам и продолжает осыпать нас мелкими брызгами, да еще с песком.

Еще нам нравилось заставлять ее брать барьер, а забор у нас был дощатый трехметровый. Бросим ей опять же любимую ее палку, она только раз оттолкнется задними лапами от доски забора и... перемахивает его.

Умная и чуткая, она удивляла нас своей «осведомленностью». Сейчас-то я знаю, что собаки и кошки получают информацию «напрямую», вот почему они знают о приезде хозяина прежде, чем придет телеграмма, находят дорогу домой «через моря и океаны»...

Так вот, отец возвращался из дальней командировки. Железнодорожная станция Воротыньск была от нас недалеко, в четырех километрах, и отца должен был встретить шофер на том самом «виллисе». Мы-то знали о его приезде, а Юлька дома металась от окна к окну, отодвигала носом шторы, скулила. Бабушка подумала, что она хочет на улицу «по своим делам» и открыла ей дверь. Юлька тут же перемахнула забор и умчалась. Через некоторое время к дому подъехала машина, на переднем сиденье гордо восседала Юлька: это она, первая, встретила хозяина! В самом деле, она бежала навстречу по шоссе, и ее, конечно же, не могли не увидеть.

Щенков Юлька приносила по шесть — семь; такие маленькие бутузики, смешные и очаровательные, но выживали не все. Неопытные, мы не знали, что их нельзя в щенячьем детстве кормить сырым мясом; они заболели «чумкой», да и достойных партнеров для Юльки в селе не было.

Отца перевели под Рязань восстанавливать подобный же Песочинский крахмальный завод. Мы переезжали на двух бортовых машинах, «полуторках». Вещи были по-

гружены, и отец пошел в опустевший дом проверить: не оставили ли что — то нужное? Юлька была привязана в кузове, увидела, как отец вошел в дом, заметалась, стала вытаскивать голову из ошейника и проглядела, как папа вернулся и сел в машину.

Машины тронулись, а она, думая, что хозяин остался в доме, а ее увозят, спрыгнула и помчалась в дом. Никто этого не заметил, мы проехали километра два, как кто-то из встречных начал махать нам руками, чтобы мы остановились:

— Собака вас догоняет! — По шоссе, высунув язык, мчалась Юлька.

Она прожила с нами всю свою жизнь до 1958 года, верный и любимый член семьи. Она ходила со мной в сад и ела прямо с куста малину, по-прежнему исправно приносила хорошеньких щенят, а самый последний единственный щенок Джек был с двупалой лапой, и он остался у нас после Юльки.

ВОСПОМИНАНИЕ

Шалашик в огороде
Мы строим для игры.
Братишка верховодит
Средь местной детворы.
Хлопчем озабоченно,
Костер горит едва:
Подсохла, да не очень
Пожухлая ботва.
Осенний зябкий холод
Пронизывает враз.
Пахучий, с глянцем, колоб
Эх, лакомство для нас!
Снежок морозно хрустнет —
И это нам с руки:
На речку мамы пустят —
Прикрутим «снегурки».
Из гимнастерки платье
Мне перешила мать...
И хочется заплакать,
Как станешь вспоминать.

* * *

*Моей первой учительнице
Евдокии Николаевне Липницкой*

У моей учительницы первой
В те года сдавали часто нервы.
Мы на перемене шумно скачем,
А она зайдет тихим плачем!

У моей учительницы горе:
Муж пришел с войны, да умер вскоре.
Вот и похоронка не досталась.
А вдовой, как многие, осталась.

У моей учительницы хата
Словно перед нею виновата,
На краю деревни — сиротою:
Кто теперь подправит и достроит?

В нашем классе ну и перемены!
Меньше шума стало в перемены,
Лучше и тетрадки, и ответы,
В головах отчаянных — «просветы».

А она заметила не сразу,
Что в плетне у дома нету лаза,
И калитка... то держалась еле,
Так теперь и петли не скрипели...

У моей учительницы первой
Снова слезы. Что поделать, нервы!
Ожила, оттаяла немного,
Поняла: она не одинока!

Двухэтажное старое здание школы стояло возле моста, отделявшего или наоборот, соединявшего заводской поселок с деревней Росва. Под мостом весело звенела тонкая светлая, с утренним росистым названием, речушка Росвянка, которая через километр-полтора впадала в более солидную речку Угру, а та, в свою очередь, прямо под Калугой впадала в Оку. Все речки моего детства были водами великой реки Ра, Волги: Угра, Пара (под Рязанью) и родная Сура.

РЕЧКА ДЕТСТВА

Прозрачной россыпью росы
Играет солнце спозаранку,
А я, девчонка из Росвы,
Бегу с ведерком
На Росвянку.
Она сверкает под горой,
Все родники
Спешат с ней слиться,
Но скоро ей
С рекой Угрой
Водой придется поделиться.
Все круче берега — бока!
Угре блаженствовать недолго:
Ее притока ждет Ока.
Оку ждет Волга,
Море — Волгу.

Час входит в день,
День входит в год,
А детство
Переходит в юность...

И кто из нас
Того не ждет,
Чтоб хоть на миг
Оно вернулось!
Как рано начали сесть!
Но и от старости
Есть средство:
Не растерять бы,
Разглядеть
В потоке жизни
Речку детства.

Мы росли на воле — это большое счастье. Пруд — коньки, холмы — лыжи, поляны — лапта, беговая, круговая... Уже взрослым человеком я поняла мудрейший смысл детских игр.

КРУГОВАЯ

Круговая,
круговая
С детства всем знакома.
Замыкается кривая
Во дворе у дома.

Мяч летает,
Мяч стреляет,
Как ядро из пушки,
Выбивает,
Выявляет:
Кто играет лучше?!

«Запасные» запасая,
Выручаю друга,
Но удар — и вылетаю
Я сама из круга.
Друг рискует тоже, ради
Моего спасенья,
Но ударил кто-то сзади —
Терпим поражение.

А бывает, человек,
Мною же спасенный,
Не рискует, ради «свечек»,
Собственной персоной.

Помня о других едва ли,
Станет извиваться,
Только чтобы не попали.
Чтоб в кругу остаться.

Для таких в команде места
Нету больше кона.
У игры, хотя и детской,
Взрослые законы!

Как мне хочется, хотя бы еще раз, побывать в тех местах!

ЛЕШКИНО УЩЕЛЬЕ

Я красивой не встречала места,
Где в бурьяне
Тонет Лешкино ущелье.
Здесь не встретишь
Ни старушки, ни невесты,
Не узнаешь ни печали,
Ни веселья.

Но по-прежнему
Живет здесь мое детство,
Оно снится мне
И часто и упрямо.
Годы-годы!
Никуда от вас не деться.
Приласкай меня,
как прежде,
Мама, мама!

Мой любимый сад
Бушует и поныне,
Только все в нем обмельчало,
Одичало
В теплом воздухе
Горчинка от полыни,
Как же хочется мне
Все начать сначала!

* * *

Куда девались майские жуки?
Их почему-то стала видеть редко.
Мы в детстве их всегда сбивали веткой,
И прятали, плененных, в коробки.

И, утолив немного свой азарт,
Мы слушали, как жук жужжит, поет там,
Восторженно встречали новый старт,
И быстроту, и высоту полета.

Подхватят нас простор и синева!
Лететь ли нам, бежать ли, не уставшим...

Но вот уже годам ушедшим машем,
Самих себя мы узнаем едва.

...У дочери глаза, как родники!
Природы русской доброе наследство.
И в них мое переселилось детство.
Куда девались майские жуки?

Живы в моей памяти учителя, одноклассники. Помню и оригинальную в своем роде женщину. Все звали ее Буслаиха.

БУСЛАИХА

У Буслаихи по лавкам
Уж не семеро,
А соседкам
Лишь плечами пожимать.
Говорят: коли сумела
Да посеяла,
Значит, остается пожинать!
У Буслаихи в избе
Едят не досыта,—
Прокорми, поди, сумей.
Такую рать!
Выбегают пацаны
Зимою, босые,
За машинами
Картошку подбирать.
— Одолеем!
Время нынче не военное! —
А у кумушек язык огнем горит,—
И она в минуту откровенную
Как-то раз соседкам говорит:
— То ли горя,
То ли счастья бабьего
Захотелось мне — другого ж нет!
Как война народу поубавила?
Вот и подымаю я процент!

Что ж, я — получается — гулящая,
Что ж, что нету светлого жилья,
Что ж, что нету мужа настоящего,
Проходящего жалею я,
А мальчонков не отдам
И не покину я,
Есть и сытые,
Да отдают в приют.
Соглашуся
На одну мякину я,
Только пусть
Хорошими растут!

МЫ ВСЕ УМЕЕМ ЗАБЫВАТЬ

Мы все умеем забывать,
И в этом наше преимущество!
Нельзя же все свое имущество
По жизни за собой таскать!

Но что-то в памяти моей,
Вдруг, так проявится отчетливо,
Что мне захочется,
До чертиков,
Возобновленья прежних дней.

Чтоб были старые друзья,
Чтоб снова встретились любимые,
Чтобы, как в дни неповторимые,
Мы были вместе: ты и я...

Мы все умеем забывать.
Но отчего так живо помнятся
Моя
С улыбкой доброй
Мать.
Моя апрельская бессонница,

И сына первые шаги,
И дочери счастливый лепет,
И тот невысказанный трепет
Удачно найденной строки,
И даже все мои враги!

ХАТА С КРАЮ

Никому не желаю лиха,
Но и жить не желаю тихо,
И в игру «Моя хата с краю»
Я давным-давно не играю.

В девятнадцатом,
Жарким летом,
Дед расстрелян был
Не за это ль?
Дом с детишками — краше рая,
Только был этот дом не с края.

Не за эту ли малую малость
Жизнь отца врагом отнималась:
Поле брани, земля сырая...
Чтоб мы сами были не с края.

Как обидно и больно было,
Когда слово злобное било,
Когда, эдак небрежно, бросят:
— Не спросили вас и не спросят!
И сжималось сердце, сгорая:
Но ведь хата моя не с края!

Можно всем под надежную крышей
Жизнь прожить спокойней и тише,
Только время мчится лавиной,
Не зовет к судьбе половинной.

И опять я бой выбираю:
Не стоять моей хате с краю!

УЧИТЕСЬ ВЛАСТВОВАТЬ СОБОЙ

Учитесь властвовать собой! —
Призыв мы слышим
Чаще, чаще —
И человеком настоящим
Быть в ситуации любой.

На испытание идешь,
Как удержать
В коленях дрожь?
Все силы собери
И — в бой!
Учитесь властвовать собой.

Ах, как охота подлецу
Наотмашь врезать по лицу!
Не учинять же мордобой,—
Учитесь властвовать собой!

Когда расстались мы с тобой,
Хотелось биться головой...
Ну, как сдержать мне бабий вой?!
Учитесь властвовать собой.

Учитесь властвовать собой!

